

Мария Знобищева

МЫ — ПТИЦЫ ОДНОЙ СТАИ

Разговор о таланте, отмеренном тому или иному поколению поэтов, — это, на самом деле, разговор о даре человечности и любви. Душа поэта должна быть идеально настроена, потому что она и есть наш главный инструмент. Идеальной настройке противостоит «окамененное нечувствие» — та стадия равнодушия к ближним, на которой они воспринимаются уже как дальние. Маленькие человечки, едва различимые с вершины той горы, имя которой — гордость, — это уже не ближние. В подобном ракурсе художественного зрения не может быть любви.

В своем поэтическом «Памятнике» А.С. Пушкин оставил поэтам будущего три свидетельства о содеянном: «...чувства добрые я лирой пробуждал», «в мой жестокий век восславил я свободу», «милость к падшим призывал». Три столпа, на которых держалась его поэзия: добро, свобода и милосердие. А выше всего этого — то, из чего они воздвигнуты силой божественной лепки, — любовь. Но главное — дальше: «Веленью божьему, о муза, будь послушна». Не своевольному человечьему хотению, но — божьему велению.

Старо как мир, но ничего важнее и больше — не скажешь. На сотни и тысячи лет вперед нам дан путь, идти по которому иначе не получится. Только со словами молитвы: «Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей». Любви противостоит гордыня, отделение себя от других — верный признак того, что мы в нее впадаем.

В статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» о трех источниках лирического размышлял в свое время Н.В. Гоголь. Он видел эти источники в «самом языке нашем», высшие образцы которого явлены в «слове пастырей», в народной песне и в русских пословицах с их житейской иронией, афористической точностью, добрым юмором. В статьях о Пушкине Гоголь продолжил пушкинскую мысль о том, что «слова поэта суть дела его», развивая мессианскую концепцию «поэта-пророка», заданную Державиным, Пушкиным и Лермонтовым.

Думается, источники поэзии не оскудели и ныне. Они напитали русский литературный язык, который продолжает быть основой языка поэтического и в поэтической речи находит возможность нет-нет да и показать свои редкие, в других контекстах не востребованные сокровища. А вот что касается парадигматики поэтического поведения (если можно назвать ее так), то здесь не все однозначно.

В начале нулевых среди моих молодых друзей был распространен синдром, который мы в шутку называли «синдромом послебродскости». Он означал невозможность писать на прежнем поэтическом языке, который существовал до Бродского. Для одних эта невозможность вылилась в специфическую подражательную интонационную манеру, для других — в абсолютный уход из поэзии в другие формы литературы и искусства.

Между тем, примеряя форму, чуждую нашему существу, мы примеряем на себя и стоящие за ней содержание, которое подчас, словно платье на вырост, делает нас нелепыми. Забавно было читать строки своих вполне розовощеких ровесников о бескрайнем одиночестве на просторах «российской ойкумены», расшифровывать многокилометровые лингвистические ребусы, суть которых стремилась к нулю.

Наметилось весьма специфичное отношение к «почве» как пристающей к новеньким туфлям центрально-черноземной грязи, осложняющей выход на паркет большого литературного бала. Однако жизнь без корней оказалась непродолжительной. Наметилась проблема поиска новых ориентиров, поворот к традиции, к космосу Ю.П. Кузнецова, стремление осваивать вертикаль, а не горизонталь русского поэтического пространства.

Почему мы говорим о поколениях «отцов» и «детей» в поэзии? Зачем делим поэтов на старших и младших? Не потому ведь, что «дети» еще только учатся ходить, еще многое делают наугад и не боятся «изукрасить» словесный узор подслушанным на улице словом. Мы говорим о разной степени включенности в традицию, а также о том, как меняются духовные координаты художественного пространства по мере обретения жизненного и творческого опыта.

Молодое самолюбование, игривые и радостные попытки найти отражение себя и собственных чувств в каждом образе и явлении по-своему прекрасны, но не могут длиться вечно. На переходе к другим поэтическим задачам важно осознать, насколько выросло твое сердце, какова его «вместимость», а следовательно — наполненность. С даром любви, безусловно, рождаются. Задача поэта — не растратить его на безделки, взрастить, продлить в пространстве и времени.

Этому не научат ни в школе, ни в Литературном институте. Это, по-пушкински, каждый должен сделать из себя сам. Как говорится, требуется судьба, некий сюжет жизни, дающий право на тот или иной путь в поэзии. Но не стоит отказывать в праве писания тем, чья жизнь не выходит из внешних границ общечеловеческой нормы. Если каждому дается по его силам, то пусть «каждый пишет, как он дышит», важны любые проявления истинно художественного — от великих полотен до акварельных миниатюр.

Обращаясь к тургеневской метафоре, хочется вернуться к сути конфликта поколений, разыгравшегося между Базаровым и семейством Кирсановых. Аристократичного Павла Петровича, как вы помните, раздражала непочтительная манера поведения «Аркашиного приятеля». Базаров с треском ломал рамки этикетной нормы, доставляя Павлу Петровичу почти физические страдания.

Не так ли происходит в современной поэзии? Шум и треск, которыми окружены отдельные явления молодого поэтического мейнстрима, действуют на слух некоторых ревнителей нормы раздражающе. Вопрос в том, почему? Видят ли они в этом действительно угрозу? Чувствуют ли колебание пушкинских столпов? Это уже вопрос к «отцам».

Нам же представляется, что такие явления — не новость. Очередные «нагрянувшие гунны» от литературы «пошумят, да перестанут», и колеблемый «в детской резвости» треножник не опрокинется. Вопрос в сути и обоснованности протеста, если таковой вообще имеется.

Боюсь, что никакого качественного протеста со стороны нынешних «детей» просто нет. Почему боюсь? Да потому, что у большинства не хватает энергии серьезно

оспаривать старое. Соответственно, нет и возможности противопоставить старому что-то новое (формальные эксперименты и очередной каскад поэтического новояза — не в счет). Значит, нет естественного и необходимого столкновения противоположностей, нет обновляющей силы, которая породила бы иной уровень поэтического мышления.

Получается, что глубинный конфликт отсутствует. Есть те, кто добродушно посмеивается над верностью иных художников канонам соцреализма. Есть те, кто делает вид, что современной поэзии нет. Но желания что-то друг другу доказывать, дразнить и провоцировать мэтров, вызывая их на поэтический турнир, нет.

Отдельные же проявления поколенческих распрей касаются, скорее, формальной стороны творчества: способов распространения текстов (книга или интернет), отношению к пиару, популярности в народе, борьбы за премии.

Различия между поэтами, как видится, заключены не в возрасте, не в принадлежности к поколениям, а в наличии либо отсутствии поэтической совести, в отношении пишущих к сакральной сущности слова. Проблемы поэтической этики сейчас первостепенны. Кажется, что правят бал отнюдь не послушные «веленью божьему» музы. Кимвал бряцающий слышнее лиры — так уж устроен мир. Но это не означает, что поэзия умирает.

Причины конфликта поколений нередко кроются в нежелании младших слушаться старших. Но здесь важно уйти от схемы. Преклоняться перед старшим коллегой только потому, что он уже сорок лет состоит членом Союза писателей и воспевает березы у крыльца, в наше время нелепо. А если «старшие» выступают как трансляторы космических смыслов и духовных откровений, почему бы к ним не прислушаться?

Возвращаемся к вертикальной модели роста. Преодолеваем человеческое, восходим к божественному. Не слушаем старших, тогда — кого? Послушны ли «веленью божьему» молодые музы? Мне думается, что однозначного ответа нет. Поэт — существо свободное, рожденное сопротивляться обобщениям. У каждого свой путь и своя вера. Когда для того или иного художника настанет время сложить знамена неверия — и настанет ли, — решать не «отцам». Заставить верить поголовно — не получится.

Смысл творчества — в созидании. Если поколение отрицает, созидая, оно породит великого поэта, и не одного. Если поколение не отрицает, но созидает, плывя по привычному руслу, — это тоже неплохо. Поэты будут — быть может, хорошие, но вряд ли — великие. Если же нет ни отрицания, ни созидания, приходится констатировать смерть, духовное охлаждение, ибо страшнее всего тот, кто «не холоден, не горяч». Он просто недееспособен как художник.

Тут мы подходим к самому больному вопросу современности: к битве за человеческую душу. Увы, она разворачивается не на страницах литературных журналов. И поэт сейчас «больше, чем поэт» в том смысле, что ему, если он настоящий, приходится делать все, чтобы быть достойным воином в этой битве: уходить в публицистику, педагогику, медицину и даже — в ненавистную политику. Необычайно важен в наши дни институт наставничества. Слава Богу, эта традиция на Руси еще крепка. Исходя из собственного опыта, свидетельствую, что старшие помогают младшим много и охотно. Правда, не у всех начинающих есть встречное желание быть охваченными чьей-либо заботой (и тут приходится констатировать молодежный поведенческий кризис: увы, не все сегодня способны испытывать благодарность).

Словом по-прежнему можно спасти, но многие ли услышат его за шумом нового времени? Возвращаясь к Тургеневу, «как не впасть в отчаянье при виде всего, что совершается дома?» Удержать свою душу на той высоте, где царствуют истина, добро и красота, — задача титаническая. И этого мало. Из нее, из этой скорчившейся от боли души необходимо извлечь нечто такое, что объяснит, почему стреляют друг в друга братья, почему сгорают дети, почему до отдельно взятого, пахнувшего материнским молоком человека никому на земле по-прежнему нет дела.

Мы подходим к вопросу о масштабе личности поэта, о духовном воспитании и самовоспитании как его основе. В ситуации полного нивелирования нравственных ценностей, глобальной усталости человечества от сложившегося культа потребления перед поэзией открываются две прямо противоположные перспективы: навсегда сойти с арены общественной жизни, превратившись в удовольствие для узкого круга эстетов, или стать оздоровительной духовной силой, предлагающей людям иные способы постижения мира.

До того ли сейчас, чтобы «детям» мериться ростом с «отцами»? Все мы — птицы одной стаи, воины войска Господня: малые или великие. Наступает время преодолеть любые разделения и осознать, для чего мы живем и пишем. Нет правых и нет виноватых, нет своих и чужих, нет молодых и старых. Есть только свет и тьма, обступающие нас каждую минуту. Есть общие задачи, которые с одинаковой силой призывают к себе и тех, кто только начал писать, и тех, кто сформировал своим творчеством целую литературную эпоху.

Поэзия — это путь преодоления мрака — прежде всего в нас самих, в сердце каждого художника. Если такая победа одержана, поэт найдет своего читателя и, даст Бог, поможет еще кому-то.

Что же до «отцов» и «детей», то роман Тургенева — это история любви, а не вражды. Вся она, от нежного материнского «Енюша» до последней минуты жизни Базарова, проникнута любовью. Самое важное в названии романа — союз «и». Соединительный, а не разделительный. Где «отцы» — там и «дети», где начало — там и продолжение, многослойное, разное по качеству, но бесконечно длящееся во времени.

Так и в поэзии. Старое и новое причудливо перемешаны. Для вечности 20-30 лет, разделяющие два поколения, не значат ничего. Утихнет легкая буря, всех и вся успокоят летейские воды. Останется журчанье струй, да шелест камыша у берега, да свистящие над берегом стрижи, да облака над ними. И чей-то легкий шаг, и новая, замирающая от земной красоты душа, и звонкий голос... «А быть или нет / Стихам на Руси — / Потоки спроси, / Потомков спроси...»

